

Визит к больному

Се Фэй мелкими шагами последовал за Су Хуаем во дворец Вэньсинь, где император обычно предавался чтению. Убранство здесь было на удивление простым: ни антикварных ваз, ни изысканных украшений — лишь книжные полки, доверху заставленные книгами.

Войдя, Се Фэй собирался совершить глубокий поклон, но Се И, не отрываясь от книги, произнёс:

— Встань. Мы братья, к чему лишние церемонии? Ты пришёл сегодня по поручению вдовствующей императрицы?

— Благодарю, Ваше Величество, — ответил Се Фэй.

Он осторожно, стараясь не выдать своего волнения, взглянул на лицо Се И и доложил:

— Вдовствующая императрица пребывает в уединении и молитвах, никаких дел нет. Лишь супруга Цзин передала письмо, просила лично вручить Вашему Величеству.

— Вот как, — равнодушно отозвался Се И. — Благодарю за беспокойство. Однако впредь не принимай писем от госпожи Фань. Су Хуай, сожги его.

— ...Слушаюсь, — пробормотал Се Фэй.

Он слышал, что эта супруга Цзин — племянница вдовствующей императрицы, с детства росла во дворце вместе с императором, и они были близки, как слива и бамбук. Говорили даже, что её прочили в императрицы. Что могло привести к такому разладу, оставалось лишь гадать. При дворе, однако, шептались, что дело не обошлось без вдовствующей императрицы, ведь и её отношения с сыном давно охладели, сохранив лишь видимость почтения.

Поколебавшись, Се Фэй всё же осмелился добавить:

— Супруга Цзин сказала, что Ваше Величество, вероятно, не станет читать, и просила передать на словах лишь одно — это касается её младшего брата.

— Если она так хорошо знает мой нрав, зачем было утруждать тебя? И зачем ты, рискуя навлечь на себя мой гнев, решил передать её слова? Не иначе как ты и сам считаешь, что Фань Муцунь весьма талантлив, прошёл столичные экзамены и теперь допущен к дворцовым. Ты боишься, что я из-за неприязни к семье Фань обрушу свой гнев на него и провалю на испытаниях.

Се Фэй пал ниц.

— Не смею, Ваше Величество! Фань Муцунь действительно мой добрый друг, и он необычайно одарён. Но я не посмею ставить личные чувства выше государственных дел. Ваше Величество доверили мне заботу о вдовствующей императрице, и я не смею тайно передавать послания, а лишь честно докладываю.

— Ты не смеешь ставить личное выше государственного, — усмехнулся Се И, — но считаешь, что я способен из-за личной обиды мстить на великом отборе талантов для страны.

Се Фэй не осмелился больше произнести ни слова.

— Если бы я хотел выместить гнев, — холодно добавил Се И, — он бы даже не был допущен к столичным экзаменам.

— Я заслуживаю смерти! — пролепетал Се Фэй, снова и снова кланяясь.

— Встань, — с ноткой усталости в голосе произнёс Се И. — Сыграй со мной в шашки.

Се Фэй поднялся, но не решился сесть, оставшись стоять у края тахты. Он заметил, что, несмотря на тёплую весеннюю погоду и несколько солнечных дней подряд, Се И был одет в шелковый стёганный халат, а с тахты до сих пор не убрали зимнюю тигровую шкуру. Сердце его тревожно сжалось.

Взглянув на доску для игры, он ожидал увидеть расставленные для разбора партии фигуры. Но на доске не было ни одного белого камня — лишь чёрные, выложенные в форме созвездия Большой Медведицы.

Се Фэй, много лет изучавший живопись и каллиграфию, мгновенно вспомнил знаменитую картину «Игра в шашки за двойной ширмой». Его охватил ужас, в голове пронеслись тысячи догадок, и на лице невольно отразилась паника.

Су Хуай со слугами подошли и убрали камни с доски, а Се Фэю подали чай.

— Устраивал ли ты в последнее время какие-нибудь учёные собрания? — неторопливо спросил Се И, взяв чёрный камень и сделав ход. — Весна в разгаре, ручьи журчат, природа пробуждается. Неужели не хотелось прогуляться, насладиться весенним днём?

— Мы с друзьями ездили в загородную усадьбу семьи Бай у реки, — осторожно ответил Се Фэй, делая ответный ход. — Там пересадили множество пионов и шаньяо. Цветы пышные, густые, очень красиво. Я сделал несколько набросков.

— Как-нибудь принеси во дворец, покажи мне, — с явным интересом сказал Се И. — Помнится, ты говорил, что сын одного из князей тоже искусен в живописи. Нет ли у него новых работ? Принеси заодно, я бы взглянул.

— Это наследник из резиденции Цзин, Сюй Чунь. По милости Вашего Величества он поступил в Высшую школу. Но, к несчастью, из-за весенних холодов он, кажется, простудился после пира и уже больше десяти дней не посещает занятия. Я звал его на весеннюю прогулку, но он не смог.

Се И, державший в пальцах камень, замер и взглянул на Су Хуая. Тот, поняв знак, низко опустил голову и бесшумно удалился.

— Разве он не молод? — продолжил Се И. — Отчего же в юные годы так невоздержан в вине?

— Он очень усерден в учёбе с тех пор, как поступил в школу, — вступился за Сюй Чуня Се Фэй. — И в злачные места не ходит, в компании ведёт себя сдержанно. Говорят, на семейном пиру праздновали успех его старшего брата, который занял пятьдесят третье место на столичных экзаменах. Видимо, там он и позволил себе лишнего.

Хотя в школе и ходили слухи, что он перестал появляться на занятиях от стыда за успех сводного брата, но перед государем такого не скажешь.

Се Фэй послал ему справиться о здоровье и передать кое-какие лекарства, но получил ответ, что он слаб, благодарит за заботу и непременно отужинает с ним, как только поправится.

— Ах да, успех на экзаменах — это, конечно, повод для праздника. Но раз он наследник, откуда у него старший брат?

— Он не от одной матери, — пояснил Се Фэй. — Сводный брат, сын служанки, как я слышал.

— В таком случае, — кивнул Се И, — супруга князя Цзин, должно быть, весьма добродетельна, раз позволила сыну служанки добиться такого успеха.

Се Фэй на мгновение задумался. Обычно он слышал лишь, что князь Цзин унаследовал титул по счастливой случайности после смерти брата, а его жена — дочь купца, недалёкая и необразованная, на которой старая госпожа женила второго сына лишь ради того, чтобы покрыть долги. Но теперь, поразмыслив, он понял: если Сюй Чунь не такой уж распутный повеса, как о нём говорят, а его сводный брат, сын служанки, в столь юном возрасте добился успеха на экзаменах, значит, хозяйка дома действительно достойна похвалы.

— Ваше Величество, как всегда, проницательны, — согласился он.

Се И сделал ход и, подняв голову, увидел вернувшегося Су Хуая.

— Кстати, — сказал он, — я вспомнил. Вчера лекарь Лю Су приходил справиться о моём здоровье, но я был занят и велел ему прийти сегодня.

— Он уже ожидает в зале Восюэ, — тут же отозвался Су Хуай. — Прикажете позвать его для осмотра?

Се И опустил глаза на незаконченную партию.

— Эта игра...

— Я не смею больше задерживать вас, — поспешно встал Се Фэй. — Если понадобится, я к вашим услугам.

Се И кивнул и вышел. Се Фэй почтительно проводил его взглядом. Су Хуай последовал за императором. Лишь когда они дошли до соседнего зала Восюэ, Се И спросил:

— Что случилось? Вчера он ведь присылал домашнее задание. Как он заболел?

— Моё упущение, Ваше Величество, — ответил Су Хуай. — Я расспросил Люшуня. Оказывается, последние несколько дней задания приносил лично Сячао, а в квартал Бамбуковых Ветвей он не заглядывал. Я только что послал Люшуня разузнать. Оказалось, в день оглашения результатов экзаменов на семейном пиру он действительно напился, простудился и слёг с жаром. Лечится уже больше десяти дней. Лекарь Чжоу его осматривал, прописал лекарства, делал иглоукальвание. Говорит, ничего серьёзного, но наследник не любит пить лекарства, поэтому болезнь то отступает, то возвращается. Вот он и не ходит в школу. Он строго-настрого запретил кому-либо рассказывать, особенно в резиденции, боится волновать старших. Но, хоть и болен, занятия не забросил, продолжает читать и выполнять задания.

Се И мысленно подсчитал дни. Прошло уже шестнадцать дней. Что за простуда может длиться так долго?

— Я съезжу в квартал Бамбуковых Ветвей, — решил он.

— Может, взять с собой лекаря? — тут же спросил Су Хуай.

— Не нужно, — покачал головой Се И. — Если это простуда, лекаря Чжоу достаточно. Боюсь, это болезнь сердца.

Переодевшись, Се И в сопровождении одного лишь Люшуня отправился через задний холм. Как и прежде, он постучал в дверь. Чуньси спустился, чтобы забрать поводья.

— Девятый господин, вы пришли? Молодой господин отдыхает наверху, я доложу.

— Не нужно, — остановил его Се И. — Он ведь болен, я сам поднимусь. Как это случилось? Говорят, простудился после пира? Это же был семейный ужин, старшие должны были присмотреть. Как он мог так напиться?

Чуньси, и без того не слишком красноречивый, от такого напора вопросов растерялся и промямлил:

— Обычная простуда, наследник говорит, ничего страшного, отлежится. А на пиру... наверное, он выпил несколько лишних чарок за здоровье...

Се И и не ожидал ответа. Он быстро поднялся по лестнице и увидел Сюй Чуня. Тот не лежал в постели, а сидел, лениво раскинувшись в кресле. Волосы его не были собраны, ноги укрыты стёганным одеялом из зелёного шёлка. Он смотрел вниз, на пол, и, опустив руку, дразнил чем-то белоснежную кошку-льва.

Кошка с длинной белоснежной шерстью и разноцветными глазами — один голубой, как сапфир, другой золотой, как янтарь — не спешила бросаться на угощение в руке Сюй Чуня, а лишь лениво мяукнула. Заметив гостя, она грациозно вскочила и по низкому столику и шкафчику взобралась на самый верх высокого стеллажа, откуда стала с любопытством взирать на вошедшего.

Сюй Чунь, подняв голову, увидел Се И. Его лицо озарилось радостью и удивлением.

— Девятый братец! Как вы здесь? — он попытался встать.

Се И подошёл и, положив руку ему на плечо, усадил обратно. Он заметил, что лицо юноши осунулось и побледнело, а глаза, запав, казались ещё больше.

— Лежи, — сказал он, садясь на кушетку напротив. — Я здесь посижу. Слышал, ты болен, вот и зашёл проведать. Откуда кошка?

— Двоюродный брат прислал из области Минь, — ответил Сюй Чунь. — Сказал, редко встретишь такую породистую кошку-льва, чистых кровей. Мышей она, правда, не ловит, одно ухо у неё глухое, и к людям не очень ластится. Я уж думал, не приручу.

— Да, я слышал, что у таких кошек, если есть голубой глаз, то с этой стороны они часто бывают глухими. У этой глаза разного цвета, так что, скорее всего, ухо со стороны голубого глаза и не слышит.

Сюй Чунь с восхищением посмотрел на кошку, а потом на гостя.

— Девятый братец, вы так много знаете! Откуда вам всё известно?

Се И, видя, что юноша, хоть и выглядит подавленным, в его присутствии оживился, почувствовал облегчение. Он коснулся его лба.

— Жар ещё есть?

— Уже лучше, — ответил Сюй Чунь. — Не беспокойтесь, я просто немного простудился, пара дней — и буду в порядке. Лекарь Чжоу сказал, ничего страшного.

— Шестая нянюшка говорит, ты из-за домашних дел расстроился, лекарства не пьёшь, еду не ешь, вот и не поправляешься.

На лице Сюй Чуня промелькнуло виноватое выражение, и он отвёл взгляд.

— Нянюшка стара, вот и выдумывает.

Се И задал этот вопрос наугад, и по реакции понял, что попал в точку.

— Так что случилось? Уж не ревнуешь ли ты к успехам сводного брата? Не похоже это на тебя.

— Кто ему ревнует, — пробормотал Сюй Чунь, опустив голову. — Он талантлив, сам всего добился, с какой стати мне ему завидовать. Я расстроился, потому что бабушка хочет записать его на имя моего дяди и тёти, чтобы он стал наследником старшей ветви. Сводных братьев у меня много, есть ещё третий брат, Сюй Вэй. Почему именно старшего? Только потому, что он экзамены сдал? Столько лет его кормили, одевали, учили — всё это делала моя матушка. Да, сейчас у неё есть титул, а если бы не было? Как у старшей ветви хватает совести вот так приходить за готовым?

— Твоя бабушка, однако, весьма искусна в таких делах, — удивлённо произнёс Се И. — Твой старший брат — сын служанки, к тому же был отдан на воспитание. Его происхождение сомнительно. Бабушка вернула его, отдала под опеку твоей матери, а когда он вырос, передала в старшую ветвь. Так сын служанки превратился в наследника. Вероятно, это для его же блага, ведь такое происхождение — пятно на репутации. А у твоей матери есть ты, законный сын, она бы никогда не записала его на своё имя. Твой отец, надо полагать, согласился. А что сказала твоя мать?

Сюй Чунь, понурившись, бессознательно вытащил из-за спины квадратную подушку и стал её комкать.

— Она сказала, что его уход — это хорошо. Я стану старшим законным сыном, и никто не будет стоять надо мной. И при разделе имущества будет проще. Деньги её не волнуют... она много зарабатывает, ей всё равно. Получается, это я один тут мелочный.

— Если тебе это не по душе, поговори с матерью. Раз уж семья твоей тётки получает такого сына-чиновника, то и семья Бай должна проявить какое-то участие. Твоя мать, может, и не заботится, но неужели и они такие бестолковые? Семья Бай — потомственные чиновники. Я слышал, у них в столице есть усадьба с горячими источниками, где растут сотни пионов и шаньяо. Пусть отдадут эту усадьбу.

Сюй Чунь, комкая подушку, уныло ответил:

— Да у моей матери таких усадеб полно. Она ещё скажет, что у меня мещанские замашки.

— Твоя мать, как я погляжу, очень тебя балует, — медленно произнёс Се И. — Отчего же между вами будто стена? Может, есть какое-то недоразумение? Мать и сын — одна кровь. Что бы ни случилось, лучше поговорить начистоту. Не стоит из-за таких пустяков портить отношения.

Сюй Чунь долго молчал, опустив голову. Се И заметил, как на подушку в его руках одна за другой упали капли, расплываясь тёмными пятнами на зелёном шёлке.

Се И замер.

Похоже, обида была глубока.

Сюй Чунь, не говоря ни слова, беззвучно плакал. Се И достал из рукава платок и протянул ему. Тот взял его, неуклюже вытер слёзы и тихо проговорил:

— Девятый братец, вы не знаете. Моя матушка — умом и духом подобна мужчине. Ей претят все эти домашние интриги и мелочи.

— Твоя матушка, должно быть, весьма одарена в делах, но домашние дразги касаются твоего титула. Как можно этим пренебрегать?

— Да, — тихо сказал Сюй Чунь, — и мой титул тоже важен для семьи Шэн. А больше её с семьёй Сюй ничего не связывает.

— Что ты имеешь в виду? — медленно спросил Се И.

Сюй Чунь вытер слёзы и, немного успокоившись, начал рассказывать:

— Эта история началась ещё во времена моего деда. Он тогда служил в Дяньчжоу. Когда на границу напали бирманские племена, двор послал туда большую армию. Дед отвечал за снабжение и казну. Но, говорят, его обманули подчинённые, и пропала крупная сумма — около восьмисот тысяч лянов серебра. Командующий войсками в Дяньчжоу потребовал немедленно

возместить недостачу, угрожая доложить ко двору о хищении казны, что грозило конфискацией имущества и казнью.

— Да, — кивнул Се И, — пропажа казны — дело серьёзное. В случае поражения всю вину свалили бы на твоего деда. Расследование заняло бы много времени, так что требование возместить убытки было самым вероятным выходом.

— Помимо восьмисот тысяч, нужно было ещё двести тысяч на взятки. Бабушка была в столице. Получив известие, она пришла в ужас, стала повсюду занимать деньги, но всё это было каплей в море.

— Полагаю, именно тогда и возник союз с семьёй Шэн.

— Да. Семья Шэн в то время тоже была в трудном положении. Мой дед по материнской линии, глава семьи, навлек на себя гнев губернатора области Минь. Его дело всячески притесняли, моряков переманивали, а один из кораблей затонул, принеся огромные убытки. Родственники, обвиняя деда в неумелом управлении, требовали раздела имущества, боясь, что из-за его конфликта с властями пострадает весь клан.

— Естественно, — кивнул Се И. — Одним нужна была власть, другим — деньги.

— Дед рассказывал мне, — тихо продолжал Сюй Чунь, — что у него было только двое детей: мой дядя и моя мать. Матушка с детства проявляла удивительные способности к счёту, помогала деду вести дела, разделяя бремя с дядей. Но в области Минь женщин не жаловали. Если в семье было мало сыновей, её начинали притеснять. Когда матушка стала заниматься делами, родственники смотрели на неё свысока, распускали за спиной слухи, требовали, чтобы дед поскорее выдал её замуж, не допуская чужаков к семейному делу.

— В мире всё вертится вокруг выгоды, — кивнул Се И. — Твоя мать, должно быть, проявила себя слишком ярко, управляя делами отца и брата, и нажила себе врагов среди старейшин клана.

— Да. Поэтому в Области Минь у семьи Шэн не было будущего, они были обречены на угасание. Через посредников мой дядя по отцу, тогда ещё наследник, вышел на деда и предложил взять мою мать в наложницы. Семья Шэн должна была покрыть недостачу в казне и спасти титул, а семья Сюй — обеспечить безопасность их дела.

— Твой дед, очевидно, любил дочь, раз выбрал для неё второго сына семьи Сюй и настоял на браке в качестве главной жены.

— Это было решение моей матери. Она сама приехала в столицу, через ширму взглянула на братьев Сюй и, вернувшись, поставила деду два условия. Первое: она не будет наложницей, а выйдет замуж за второго сына в качестве главной жены. Второе: имущество их ветви семьи будет разделено пополам, и половина станет её приданым, из которого и будет покрыта

недостача.

— Она поступила как сын, — кивнул Се И. — Взяла на себя ответственность за семью, пожертвовала собой и потребовала равной доли с братом. Воистину, дух её не уступает мужскому. И выбор её оказался верным. После помолвки деньги, надо полагать, были переданы. Старый князь, вернувшись в столицу, так и не оправился от потрясения и вскоре умер. Старший сын унаследовал титул, но прожил недолго. И титул достался твоему отцу... Семья Сюй, получив такие деньги, не могла отказаться от брака и, скрепя сердце, приняла твою мать. Если бы она тогда согласилась стать наложницей, то семья Шэн потеряла бы и дочь, и деньги.

Даже в своём унынии Сюй Чунь не смог сдержать улыбки.

— Кто тебе это рассказал? — спросил Се И. — Не думаю, что твоя мать.

— Дед, — тихо ответил Сюй Чунь.

— Полагаю, между тобой и матерью произошло какое-то недоразумение, и дед решил тебе всё объяснить. И этих слуг, что при тебе, тоже он подобрал.

Сюй Чунь помолчал.

— С самого рождения я воспитывался у бабушки. Она меня очень баловала, но запрещала заниматься купеческими делами, говорила, что я наследник, должен быть благородным и не якшаться с торговцами, чтобы не набраться от них мещанского духа. Матушка управляла домом и огромным делом, ей было не до меня. Бабушка сама учила меня грамоте, заставляла учить книги наизусть, и все говорили, что воспитываться у старших — это большое счастье, поэтому матушка и не вмешивалась.

— А что было потом? — спросил Се И. — Судя по всему, сейчас вы с матерью близки.

— Когда мне было лет пять, бабушка наняла знаменитого учителя, чтобы он занимался со мной и старшим братом. Учитель Цзя был очень строг, каждый день бил меня линейкой по рукам. Я плакал, но запомнить ничего не мог. А старший брат, наоборот, всё схватывал на лету. Я жаловался бабушке, а она говорила, что строгий учитель воспитывает хорошего ученика, и что старшего брата тоже наказывают, но он не жалуется.

— Твой брат ведь на два года старше? В семь лет ребёнок гораздо сообразительнее, чем в пять. Это несправедливое сравнение.

— Я тогда так обиделся, что побежал к матушке, чтобы сказать, что больше не буду учиться. Боясь, что бабушка поймает меня и заставит вернуться, я прокрался в её покои. Её не было, и я решил подождать. Устав от слёз, я уснул на её кровати.

Се И понял, что произошло дальше, и не стал расспрашивать.

— Я проснулся и услышал за ширмой разговор матушки с матушкой Хуа. Та уговаривала её родить ещё одного сына, говорила, что отец одного за другим приводит в дом наложниц, а у неё всего один сын — это ненадёжно. И бабушка может быть недовольна, и невестки станут перешёптываться. Да и для семьи Шэн лучше, чтобы был ещё один законный наследник, так надёжнее.

Се И взглянул на Сюй Чуня. У госпожи Шэн до сих пор был лишь один сын, и, видимо, на то были причины.

Сюй Чунь смотрел в окно, словно снова перенёсся в тот душный летний день. В комнате было жарко, он проснулся весь в поту, шёлковый халат прилип к телу, а распухшие ладони горели огнём. Обида, копившаяся в нём, в тот миг сменилась звенящей тишиной.

Сквозь узорчатую шёлковую ширму он видел, как сидит его мать со счётами в руках. Она презрительно усмехнулась.

— «Союз семей Шэн и Сюй — это всего лишь сделка, каждый получает своё. Семье Сюй нужны деньги, семье Шэн — власть. А мне нужен был лишь муж, которым можно управлять. Что толку прислуживать старой госпоже? Выслушивать её поучения и упрёки? Они кичатся своим благородством, а их колкости просто смешны. Что они могут сделать? По сравнению с хищными старейшинами клана Шэн и их грязными речами — это просто детский лепет».

— «В этом и прелесть знатных семей: как бы они ни презирали тебя, они не посмеют потерять своё так называемое лицо. Семья Сюй хочет моих денег, поэтому им приходится делать вид, что они не замечают, как я веду дела. Мне не нужно, как другим жёнам, быть покорной и считать мужа своим небом. Разве я не знаю этих правил? Злая свекровь, язвительная золовка, придирчивые невестки — кому есть дело до их мелочных дрызг? Я отношусь к ним как к назойливым клиентам».

— «Но вот быть с ним мужем и женой, рожать детей... на это я больше не способна. Матушка, я так устала. Сюй Аньлинь — как пёс. С ним нужно всегда держать поводок натянутым. Стоит ослабить хватку, и он тут же бросится жрать дерьмо. К счастью, я с первого раза родила сына, иначе мне пришлось бы и дальше с ним это дерьмо есть. Ты представляешь, как отвратительно было бы родить ещё одного ребёнка, похожего на него? Мне грязно».

Сюй Чунь повторил эти слова, и сам удивился, как он, пятилетний ребёнок, смог запомнить их так точно, слово в слово.

Се И посмотрел на него. Лицо юноши было белым, как бумага, губы дрожали, а слёзы катились градом.

— Девятый братец, — прошептал он, — моя матушка сказала, что ей грязно.

В груди Се И внезапно поднялась волна огромной боли и вины.

<http://bllate.org/book/16990/1588170>